

Взгляд устремился в клубы пара, стелющегося перед глазами, а душу охватило взявшееся из ниоткуда странное чувство — князь хоть и являлся простачком, но глупцом его назвать было нельзя. Вспомнив близняшек, да ещё странное поведение Жун Ху, Фэн Мин невольно понадеялся на верность своих предположений.

— Жун Тянь? — с особой осторожностью попробовал тихо позвать князь.

Но никто не ответил.

Взволнованный юноша, будучи напряжённым и в то же время охваченным любопытством, которое переплеталось с надеждой, медленно шагнул вперёд, приближаясь к большой бочке, в голове предстал образ высокого и крепкого тела Жун Тяня, прячущегося под водой и готового подшутить над Его Светлостью.

Начиная испытывать беспокойство, Фэн Мин притворился, что совершенно спокоен, и фыркнул:

— Я знаю, что ты здесь, не вздумай меня пугать. Скажу тебе, я путешествовал в одиночку и сильно преуспел в смелости, преуспел...

Наконец добравшись до бочки, князь вытянул шею, дабы заглянуть внутрь, вот только в ней была лишь чистая и тёплая вода, где уж там прятаться императору Силэй?!

Внезапно сдержав голос, князь немного застыл на месте, чего-то ожидая. Радость, что охватывала душу, в одночасье превратилась в пустоту, до ужаса пугающую. Долгое время простояв в растерянности, князь не сдержался и, вытянув руку, зачерпнул тёплую воду, однако на сердце стало ещё тягостнее, отчего Его Светлость всей пятернёй с шумом всколыхнул приготовленную для омовения воду и процедил, скрежеща зубами:

— Подлый! Подлый!

— Кто подлый? — слуха коснулся до боли знакомый голос, от которого хотелось разрыдаться.

Находившийся в ужасной печали Фэн Мин неожиданно обрадовался, но в этот миг он не мог показать то чувство, что охватило его сейчас, поэтому, пребывая в растерянности, князь инстинктивно попробовал обернуться, однако пара сильных рук крепко обвила талию, не позволяя даже шелохнуться.

— Кто бы мог подумать, что во время моего отсутствия посмеешь называть меня подлым?

Шея внезапно подверглась страстному нападению — по ней скользнули языком и шутя укусили. Простые ласки, но их было достаточно, чтобы тело парализовало. Его Светлость не мог двинуть ни рукой, ни ногой, да что уж там, даже мизинец отказывался ему подчиняться.

«Жун Тянь...» — в душе завопил Фэн Мин, и вся радость отпечаталась в уголках губ, однако озвучить мысли не получилось, поскольку они превратились в слабый стон:

— Нгх...

Который, конечно, не мог не заметить молодой мужчина, и принадлежащий только Жун Тяню лукавый смешок «вонзился» в ушко:

— Голосок получился очень приятным, этот император поощрит тебя, хорошо? — слегка применив силу, Жун Тянь развернул к себе почти сошедшего от любовной тоски возлюбленного и, оказавшись теперь уже лицом к лицу, накрыл своими губами невероятно нежные и такие аппетитные ярко-алые губы, кропотливо скользя по ним языком, слизывая их сладость словно оголодавший с дороги путник.

— Нгх... Ум-м... Жун... м-м Жун Тянь... — задыхаясь от жаркого поцелуя, обмякнув всем телом и став при этом крайне ласковым[1], князь решил полностью прижаться к Жун Тяню, упав в объятия, к тому же, посчитав себя вкуснейшим угощением, Его Светлость разрешил наслаждаться собой, как того пожелает возлюбленный.

Наконец-то позволив себе освободиться от пут напряжения, Фэн Мин тихо открыл яркие, как звёздочки, очаровательные и затуманенные глаза, дабы ясно увидеть мужественно-красивое лицо императора Силэй.

Но...

— Ты... ты такой развратник! — сейчас разглядев любимые черты мужчины, который необузданными поцелуями вскружил голову, Его Светлость князь Мин в конце концов понял, почему в объятиях императора Силэй чувствовал себя несколько странно, и, охваченный смущением, начал тихо рычать.

От мысли, что на всём теле императора Силэй нет ни нитки[2], сердце бешено забилося в груди, в глазах зарябило, однако князь всё же помнил о своей непоколебимо-целомудренной позиции:

— Как ты можешь в таком виде показаться слугам? Где твоя одежда?

Чувствовавший гордость по отношению к собственному телу, обнажённый Жун Тянь ощущал себя крайне непринуждённо перед другими и, указав на заполненную водой бочку, ждал, когда кое-кто, воспользовавшись особым приглашением, залезет туда, чтобы насладиться купанием, и при этом мужчина озвучил истинные мысли:

— А кто при купании или мытье одевается?

Фэн Мин умолк.

Однако вскоре вновь залился румянцем, указывая на большой «гордый» обнажённый член Жун Тяня:

— Мыться, когда эта штука стоит?

— Хм, этот император знает, что князь Мин сильно скучал по этой императорской прелести[3], — и тут молодой мужчина улыбнулся очень лукаво, — потому и «встал», позволяя князю Мину как следует себя разглядеть.

Почти смутившись, князь потупил взор, опуская голову. С позволения сказать, подобное положение напоминало идиому «У собаки во рту не вырастут бивни слона[4]».

Жун Тянь, видя, что князю до смерти хочется, но он продолжает с трудом цепляться за одежду, как подобает невинному человеку, мелодично хохотнул и, вытянув руки и подняв Его Светлость, «закинул» в бочку, после чего, не дожидаясь, когда Фэн Мин с криками начнёт вырываться из тёплой и приятной воды, молодой мужчина, в свою очередь, тоже присоединился, где, воспользовавшись подходящим моментом, когда князь высунулся из воды с желанием отомстить, ласково заключил его в крепкие объятия:

— Давай-ка сначала посмотришь, какую награду тебе приготовил этот император.

Завлекательно поглаживая спину любимого феникса, молодой мужчина ловко[5] избавился от намокшей одежды. Князь, краснея, но в то же время казавшись крайне нетерпеливым, сам помог Его Величеству развязать собственный пояс, чем вызвал моментальную реакцию — Жун Тянь, не стерпев, прижался губами к белоснежной шее и оставил засос — а после молодой мужчина ободряюще прошептал:

— Хороший мальчик.

Закусив губу, Фэн Мин склонил набок голову и посмотрел на Жун Тяня, при этом в глазах князя разливался восторг, идущий из самых глубин души.

Двое мужчин в большой бочке, соприкасаясь обнажёнными телами, долгое время просто обнимались, храня молчание и не заходя дальше, спустя какое-то время князь всё же спросил, словно перешёптываясь:

— И какую же награду ты мне приготовил?

Но Жун Тянь вместо слов лишь улыбнулся и, взяв руку Его Светлости, притянул к своему члену, который сейчас был горячим, твёрдым и сильно пульсирующим, стоило лишь пальцам Фэн Мина сомкнуться на нём, более того, казалось, можно было ощутить, как кровь пульсирует

в венах.

Как бы долго они с Жун Тянем не прожили вместе и не занимались сексом при встречах, Фэн Мин всё равно немного стыдился показывать себя настоящего, хотя в душе очень-очень хотел, однако по-прежнему не позволял молодому мужчине увидеть, насколько он охвачен желанием и нетерпением. Лежащий в ладони член заставлял сердце бешено забиться в груди, но князь, вопреки этому, скривился со всем своим напускным превосходством.

Как только показался розовый кончик язычка, Жун Тянь немедля поймал его, словно превосходный охотник, и, не теряя ни минуты на лишние слова[6], слегка прикусил его.

— У-у... — с губ сорвался тихий, но крайне соблазнительный стон-всхлип.

Внезапно во влажных клубах пара, коим были наполнены покои, почувствовалось густое развратное благоухание.

Жун Тянь, не в силах укунить до боли, чуть-чуть попробовал, а затем отпустил язычок, который словно дикое животное решил скрыться от погони, но не суждено — его опутывали, сосали, но когда с губ слетело нечленораздельное бормотание, только тогда молодой мужчина прекратил, позволяя своему фениксу сделать глоток воздуха, и растянул губы в дерзкой, на которую был способен только император Силэй, улыбке:

— Ну как, понравился подарок императора Силэй?

Огрубевшая ладонь, привыкшая держать рукоять меча, скользнула по изящной талии вниз и, коснувшись такого же возбуждённого члена, как и у Его Величества, стиснула его.

— Жун Тянь! — глухо и возбуждающе позвал Фэн Мин, когда его крайне чувствительный орган оказался в плену возлюбленного, член которого сейчас находился в его, князя, руках.

Император Силэй шёпотом приказал:

— Будь умницей, тоже «схвати» меня.

На что князь поступил, как требуется — краснея до кончиков ушей, крепче стиснул находящийся в тёплой воде чудовищно беспощадный орган.

Под вдохновляющим взглядом чёрных глаз, в которых так же, как и на лице, отразилась улыбка, Фэн Мин, не понимая, куда спрятать лицо, просто поддался вперёд и «пристроил» подбородок на крепкое сильное плечо императора Силэй.

Невольный вздох сорвался с губ: «Обтянутое мышцами тело этого мужчины, казалось, каждый

раз наполнялось ошеломительной силой. Когда я стану таким, как он?»

— М-м... Ах... — будучи не настолько опытным в плане ласк, как Жун Тянь, Его Светлость медленно поглаживал член, словно тот был вещью, которую нужно было безгранично любить и беречь.

Но всегда владеющий общим положением император Силэй Жун Тянь из-за этих «вынужденных» поглаживаний начал сбивчиво дышать.

— Немного посильнее и позаботься о шариках[7], — прозвучал изменившийся голос с сексуальной хрипотцой, руководя движениями Фэн Мина.

Однако Его Светлость, сложив губы в улыбке, прищурился, как кот, и, наоборот, совершенно не действуя по «инструкции», подушечками пальцев непрерывно и старательно стал поддразнивать головку гордо стоящего члена.

От подобного натиска дыхание стало тяжёлым и учащённым, сам же Жун Тянь будто в наказание укусил Фэн Мина за мочку уха и с напускной злостью вернул:

— Не забывай, что твоя штука в руках этого императора.

Вот только Фэн Мин засмеялся и, высунув язычок, с вызовом лизнул уголок губ императора. Конечно же, князь не боялся угроз молодого мужчины.

Подобная инициатива позволила Жун Тяню обрадоваться, и он покорно прижался к устам любимого феникса:

— Чем дальше, тем распутнее становится Князь Мин. — Приложив усилия, молодой мужчина «безжалостно» потёр затвердевшую плоть[8] Его Светлости.

Тёплая вода вместе с ласками Жун Тяня словно расплавили князя, да так, что он не понимал, где находится, более того, он даже забыл, когда выпустил член императора Силэй из рук.

— Жун Тянь... Нгмх... Ах... — выстонал князь, слегка прикрыв красивые глаза и приняв вид, который никто не имел права видеть, кроме императора, и затуманенным взглядом посмотрел на молодого мужчину: — С тобой так хорошо... М-м, ах...

«Развратное» омовение длилось менее получаса, после чего Жун Тянь, держа на руках полностью удовлетворённого князя, выбрался из бочки, опустил на кровать и взял с краю заранее приготовленное служанками чистое длинное полотенце, дабы обтереть влажное тело любимого феникса.

От тёплой воды цвет кожи сделался чудесно-розовым и таким нежным, как у младенца, от подобного зрелища невозможно было взгляд отвести. Только сейчас взволнованный Жун Тянь «одёрнул» готовое выскочить из груди сердце, так как в действительности боялся, что Жо Янь мог что-то сделать с Фэн Мином.

С момента получения новостей с пристани Фанди и узнав, что Фэн Мин вместе с царствующим дядюшкой Тун Цин Чжаном поплыл в Ханьжо, при этом учитывая, что у берегов реки Оман запросто может встретиться как с местным населением, так и с войском, Жун Тянь принял лучшее, на его взгляд, решение — отправиться пешком в Ханьжо, рассчитывая именно там встретиться с любимым фениксом.

На самом деле Жун Тянь прибыл в Ханьжо на час раньше Фэн Мина. Пробрался в гостиницу[9], где в первую очередь связался с приближёнными слугами — Жун Ху и двумя помощницами-близняшками, потому попасть во внутренние покои, разумеется, было так же легко, как перевернуть руку ладонью вверх.

Перед возвращением Его Светлости Жун Ху обратился к государю с докладом, позволяя молодому мужчине узнать про ужасающее сражение на реке Оман.

Потому, помня, что вчерашней ночью его любимый феникс чуть не погиб вместе со своими людьми, как в ту войну, случившуюся у берегов реки Оман, проведший несколько дней в дороге государь Силэй по-настоящему беспокоился, что у возлюбленного князя вновь изо рта польётся кровь, а сам он свалится в постель, тяжело заболев.

К счастью... сейчас его сокровище[10] мило и кротко лежал перед ним.

Уголки рта мужчины медленно растягивались в улыбке, словно у сытого хитрого лисёнка или розового крольчонка[11], на теле которого не было ни единой нитки[12]; его возлюбленный хоть и робкий, но такой сладкий и милый, стоило лишь руку протянуть — и, совершенно не говоря ни да, ни нет, к тому же краснея до кончиков ушей, он позволил бы делать с собой всё, что заблагорассудится.

— Чего смотришь? — глядя на своего мужчину, спросил покрасневшийся — даже шея была покрыта нежным соблазнительным румянцем — от умелых ласк, коими одаривал его в большой бочке силэйский государь, Фэн Мин. Охваченный истомой во всём милом теле, князь «прятался» в ватном одеяле, словно соблазня Жун Тяня на более интересные развлечения.

Обтерев собственное тело и хорошенько укрыв Фэн Мина, Жун Тянь тоже лёг в постель, более того, он укрылся совершенно другим одеялом, которое нашёл неподалёку.

На что Фэн Мин удивлённо высунул голову:

— Жун Тянь?

— М?

— Ты... — проронив лишь слово, князь, смутившись, умолк. Однако спустя какое-то время всё же не выдержал и вновь спросил: — Ты не хочешь?

Молодой мужчина, подняв уголки губ, с удовольствием улыбнулся:

— Завтра. Мы сегодня ужасно утомились.

На самом деле Жун Тянь действительно планировал схватить Фэн Мина и как следует излиться разок, но, глядя на полностью разомлевшего феникса, передумал. Ведь если так немного пораскинуть умом, Фэн Мин совсем недавно пережил ожесточённый бой, проделал долгий путь до Ханьжо, где на ночном банкете от выпитого растратил бодрость, к тому же после этого дважды кончил в бочке во время «мытья», потому не стоило ещё больше усугублять и без того серьёзную ситуацию.

Благодаря жизни Лу Даня здоровье Его Светлости с большим трудом постепенно восстанавливалось, поэтому Жун Тянь и не горел желанием расходовать все силы князя. Да и потом, во всём огромном мире разве найдётся ещё один великий наставник, способный обменять свою жизнь на здоровье силэйского чиновника[13]?

— Завтра?

Подобное поведение совершенно не соответствовало такому развратному человеку, коим являлся Жун Тянь. К тому же недавно государь не удовлетворился... На что охваченный сомнениями Фэн Мин решил «разведать», осторожно спросив:

— Не заболел ли ты? — И, вытянув руку, коснулся высокого лба молодого мужчины — после горячей воды от тела ещё какое-то время исходила шелковинка тепла — конечно же, ничего не нащупав, Фэн Мин сладко поцеловал Жун Тяня, прижавшись: — Правда не хочешь?

Влажное нежное тело прижалось к плечу Жун Тяня — вот уж действительно сладко-мучительная пытка. От подобного поддразнивания со стороны князя Жун Тянь буквально скрежетал зубами, и, вытянув руку и коснувшись очень нежного[14] лица, молодой мужчина прижал его к своему плечу, тем самым останавливая и не позволяя продолжать данное мучение, после чего шумно прошептал:

— Я ехал, не останавливаясь, дни-ночи напролёт, и правда смертельно устал. Позволь мне сначала выспаться, хорошо?

Душу охватили угрызения совести, и Фэн Мин немедля изменился, став кротким:

— Угу, — проронил он, но с осторожностью добавил: — Хорошо, я не стану тебе докучать, спи.

— И тут же заботливо спросил: — Ноги не болят? Хочешь, я помогу растереть их?

Способный выдержать любую горечь Жун Тянь, вновь подвергшись искушению, да ещё с нотками такой непоколебимой напористости, уже готов был поднять взгляд к небу, и, почти стирая зубы в порошок, ласково ответил:

— Тебе не стоит крутиться и шуметь, пока я сплю.

Ни на волос не побывавший в военном положении Фэн Мин с обидой всхлипнул и, вынужденно натянув одеяло на голову, повернулся на бок, укладываясь спать. Но вскоре всё-таки разозлился и, вновь повернувшись к государю Силэй, придвинулся ближе:

— Хм, сегодня ночью позволю тебе хорошенько выспаться и не буду докучать. Но завтра ты позволишь мне уснуть в твоих объятиях, м?!

От подобного натиска Жун Тянь несдержанно засмеялся:

— Хорошо. — «Завтра вечером думаешь поспать?»

Уже перевалило глубоко за полночь. Все шорохи, звуки, всё стихло.

Двое мужчин, обнимая друг друга, уютно устроились в кровати и отошли ко сну, не догадываясь при этом, что из столицы Тун именно в данный момент к городским воротам Ханьжо прибыл их союзник.

Примечания:

[1] 回 (guǎn) — жуань — можно ещё перевести как «развращающий».

[2] Обр.: абсолютно голый, в чём мать родила, нагишом.

[3] В оригинале Жун Тянь говорит (дословно): «Этот император знает, что князь Мин сильно соскучился по «малышу» этого императора», однако 宝贝 (bǎobèi) — баобэй — можно ещё перевести как «дорогой\прелесть\ценная вещь\сокровище».

[4] 猪不能飞 狗不能吠 豺不能食象肉 — gōuzū lǐ zhǎngbūchū xiàngyú — гоуцзуй ли чжанбучу сяня — рождённый ползать летать не может; свинья соловьём петь не может; из собачьей пасти не жди слоновой кости; обр. не жди доброго слова от плохого человека

[5] В оригинале фраза звучит как «лёгкий экипаж и знакомая дорога», обр. в знач.: делать хорошо знакомое дело; идти по проторенной дорожке.

[6] В оригинале фраза звучит как «не сказав и двух слов», в знач. «без лишних слов», «без слов и пояснений», «без возражений».

[7] 小丸子 (xiǎo qiú) — сяоцю — можно перевести как «маленькие шарики/яички».

[8] 分 (fēnshēn) — фэньшэнь — можно перевести как «двойник», но если по-иероглифно, то 分(фэнь) — одна десятая/мера длины равная 0,33 см/элемент; 身(шэнь) — тело/телесная оболочка/плоть, то есть примерный перевод получается «одна десятая тела».

[9] 行館 (xíng guǎn) — син гуань — в древности так называли гостиницы или резиденции, в которых останавливались во время путешествий чиновники.

[10] 心肝 (xīngān bǎobèi) — синань баобэй — сокровище, золотко, малыш (ласково о любимом человеке, чаще о ребенке).

[11] Здесь 兔兔兔兔 — «розовый маленький кролик» — используется в жаргонном значении «гомосексуалист».

[12] Имеется в виду быть обнажённым.

[13] 大發士 (dàfāshī) — дафаши — рел. Махасиддхи (традиционное название в индуизме и буддизме людей, достигших сверхспособностей).

[14] 吹탄 곶 (chuītán kě rò) — цхуэйтань кэ по — очень нежная кожа, досл. «дунешь или тронешь — и порвётся».

<http://bllate.org/book/13377/1190242>